

ВАН ЦЗЯО

аспирант кафедры новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация)
tianranbense@hotmail.com

АВТОБИОГРАФИЯ КАК ЛИТЕРАТУРНОЕ ЖАНРОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ПРИРОДА, РАЗНОВИДНОСТИ И СОВРЕМЕННЫЕ МОДИФИКАЦИИ

Рассматривается русская автобиографическая литература в свете генезиса жанра, включение которого в литературный процесс условно относится к рубежу XVIII–XIX веков. Полифоничность, художественность и субъективность являются важнейшими структурообразующими компонентами автобиографического жанра, в соответствии с чем выделяются три основные его жанровые разновидности – автобиография с документальной доминантой; автобиография, сопряженная с собственными художественными жанрами, с романом в частности; псевдоавтобиография, основанная на авторском самовоображении при сохранении автобиографических деталей. Особое внимание уделено трем модификациям современной русской автобиографической литературы: это включение и синтез автобиографии с разными жанровыми формами документального характера, романическое повествование писателя-филолога о собственной жизни, а также презентация «чужой», в том числе «чернушной», истории в качестве «своей».

Ключевые слова: автобиографический жанр, авторские документы, роман, псевдоавтобиография, филологический роман, новый автобиографизм, «чернушная» история

Автобиография восходит к античным временам, но ее некогда рассматривали только как источник для исследования жизни и творчества пишущих, их личный документ. Между тем в течение времени с восприятием сочинений документального характера, автобиографии в частности, а также с пониманием человеческой личности произошли существенные изменения, а именно: форму документальной словесности перестали воспринимать как «низкую», а человеческую личность начали осмысливать в ее исторической и социокультурной обусловленности.

Повышенный интерес к изучению личности неизбежно приводит к качественному изменению самой автобиографии, способствует постепенному складыванию автобиографии как разновидности жанра в литературном процессе. Авторы автобиографий все более нацелены на сознательную публикацию своих автопортретов для широкой аудитории, стремясь создать свои тексты так, чтобы они обладали эстетической ценностью. Следовательно, в процессе превращения из чисто бытового документа в литературное жанровое образование автобиография приобретает в той или иной степени черты беллетризованности, вплоть до включения художественности в жанрообразующие начала.

Применительно к русской литературе условной вехой включения автобиографического повествования в литературный процесс можно считать рубеж XVIII–XIX столетий, когда происходит несколько очень важных событий. Во-

первых, петровская реформа и екатерининское просвещение в XVIII веке доносят новое веяние с Запада, постепенно дающее себя знать, благодаря чему порождается стремление личности познать себя. Во-вторых, с выработкой метода психологизма в литературе человек изображается в совершенно новом свете, к тому же литературоцентризм все больше себя проявляет, и на самостоятельные литературные жанры претендует множество бытовых документов, связанных с передачей человеческой личности, автобиография в том числе. В-третьих, в Западной Европе выходят шедевры автобиографических текстов, широко распространяющихся на Россию: «Исповедь» Жан-Жака Руссо и «Поэзия и правда» И. В. Гете в частности, имеющие весомое значение для формирования русской автобиографии как литературного жанра и оказывающие мощное влияние на ее дальнейшее развитие.

Мысль критика Адольфа Урбана, приведенная И. О. Шайтановым в его брошюре, по поводу «двух исторически сложившихся жанровых типов» автобиографической прозы трактуетя совершенно резонно: «аналитический» тип «восходит к „Исповеди“ Руссо и сосредоточен на внутренних мотивах и переживаниях героя своих поступков, представленных с полной, исповедальной откровенностью», а тип «синтетический» «ведет свое начало от книги Гете „Поэзия и правда“ и представляет с особенной подробностью процесс накапливания опыта, принадлежащего и отдельной личности, и всей эпохе» [10: 44]. Отсюда следует, что с автобиографией

в ближайшем соседстве находятся, с одной стороны, исповедь, а с другой стороны, мемуары.

Автобиография и исповедь неразрывно сплетены с давних времен, когда в религиозном покаянии растворяются автобиографические мотивы («К самому себе» Марка Аврелия и «Исповедь» Августина Блаженного). По мере продвижения Возрождения и наступления вслед за ним Прорвания автобиография превращается в своего рода масштабную платформу, предназначенную для самопознания и саморефлексии личности сквозь призму смены обстоятельств светской жизни и состояния внутренней эволюции. Что касается исповеди, ныне также в некотором отношении отказывающейся от чисто сакрального начала, она сохраняет присущую ей максимальную откровенность. На деле, однако, автобиография с исповедью порой так сливаются, что разделить их оказывается весьма трудно.

Не менее сложны взаимосвязи между автобиографией и мемуарами, одно нередко рассматривается как жанровая разновидность другого. Автобиография ориентирована на рассказ о себе и своей жизни, а мемуары – на запечатление событий и людей, с которыми имеет дело мемуарист. Собственное жизнеописание не реализуется без повествования о наложивших на себя отпечаток событиях и фигурах, в то же время изображение фактов и личностей эпохи имеет непосредственное отношение к жизни автора воспоминаний. Потому не случайно пересечение их жанровых включений. Различие двух жанровых форм состоит в том, на что делается авторский упор – на себя или на события и фигуры эпохи.

Границы между автобиографией и жанровыми формами, такими как исповедь и мемуары, в некоторой степени стерты. Появляются жанры типа исповедально-автобиографического и мемуарно-автобиографического, нередко встречающиеся и активно исследующиеся в литературоведческих работах.

К автобиографии примыкают еще дневник и письмо, запечатлевавшие факты и события из жизни автора, его наблюдения и взгляды на разные явления, а также его психологическую эволюцию и нравственное движение. Письма и дневники, как правило, содержат в себе свежие события с мелкими подробностями, зафиксированными автором сразу после того, как они произошли. Не редкость, что автобиографическое сочинение ведется с опорой на переписку и дневниковые записи, развиваясь на их основе.

Нелишне провести еще параллель между автобиографией и биографией. Биография сосредоточена на научном изложении или художественном описании истории завершенной жизни другого человека – личности-социума, опираясь на мемуарные и архивные источники. А применительно к автобиографии жизнь автора воссоздана в ее процессе. Автор автобиографии ос-

мысляет собственную жизнь с опорой на личную память и авторские документы типа дневников, писем и проч. В автобиографическом письме, как склонны считать многие исследователи, автор не ставит своей целью отчетливо и откровенно воссоздать все прошедшее в своей жизни, а стремится к тому, чтобы представить собственную жизненную колею по собственной концепции. При этом канва автобиографии должна разворачиваться на основе документов и фактов. Тем не менее имеет место, как полагает Л. Я. Гинзбург, «та установка на подлинность, ощущение которой не покидает читателя, но которая не всегда равна фактической точности» [3: 7]. Отсюда, то есть из неидентичности ориентации на события из личной жизни и их достоверного изложения, вытекает определенная условность, или, говоря шире в данном случае, вытекает одно из оснований воплощения категории художественного в автобиографических текстах. Проявление художественности в автобиографическом сочинении связано с неконтролируемыми факторами и сознательными моментами. Неконтролируемые факторы имеют непосредственное отношение к свойствам памяти индивида. Автобиографу приходится искусно объединять обрывки воспоминаний в обдуманное единое целое. И потом, вполне возможно, что запечатленное в памяти былое через некоторое время само собой выходит из-под пера уже в относительно ином ракурсе. В довершение свойств памяти отношение автора к увиденному и пережитому также может в некоторой степени исказить факты. Сознательные моменты заключаются, во-первых, в авторской стратегии интерпретации, то есть в относительно свободном выборе и размещении предмета изображения, организации композиции повествования и изображении мира автобиографического произведения, во-вторых, в оперировании художественным вымыслом.

Наблюдение В. Г. Белинского о сближении документальных жанров и собственно художественных произведений – одно из часто цитируемых: «Мемуары, если они мастерски написаны, составляют как бы последнюю грань в области романа, замыкая ее собою» [2: 316]. То же самое верно и по отношению к автобиографии. Скрешение двух жанров складывается в классической литературе, вместе с тем оно наблюдается и в современных текстах. С. И. Чупринин не случайно называет беллетризацию мемуаров и «мемуаризацию художественной прозы» (со ссылкой на Н. Б. Иванову), характеризуя тенденции развития современной русской мемуаристики и подчеркивая немаловажную роль, сыгранную в них вымыслом [9: 305]. Такое положение применимо и к автобиографическому жанру.

Корреляция автобиографии с романом проявляется в принадлежности автобиографии к тематическим рядам романа и романизации

литературных жанров. В качестве «сверхтемы» художественное осмысление и понимание «самостоянья человека», как со ссылкой на А. С. Пушкина утверждает В. Е. Хализев, в романном жанре занимает чуть ли не доминирующее место [8: 365]. Следовательно, по отношению к предмету изображения в состав романа включается автобиографическое письмо, ориентированное на описание истории становления автобиографического героя. Со второй половины XIX века литературные жанры «в большей или меньшей степени “романизируются”» [1: 450], благодаря чему бесспорна причастность романа к другим жанровым образованиям, автобиографии в том числе.

Оформление текста находится в полном распоряжении пишущего, в этом отношении наглядно выдвигается авторская инициатива – субъективность. Субъективность в автобиографическом сочинении воплощается во многих аспектах: в подборе фактов, организации сюжета, создании образа автобиографического героя, выстраивании факта, оперировании вымыслом и проч. Введение вымысла в автобиографию, по исторически сложившемуся пониманию, не должно расшатывать стержень произведений названного жанра – фактическую правдивость в целом. Между тем вымысел в автобиографическом жанре иной раз настолько активно и масштабно используется, что изменяет само автобиографическое письмо, порождает тем самым некую стилизацию под автобиографию, скажем, квазиавтобиографию, псевдоавтобиографию, или «autofiction». Автобиографический текст в таком повествовании превращается в самовыдумывание. Однако при этом все же сохраняются автором некоторые автобиографические элементы.

Современная русская литература характеризуется интенсификацией художественного поиска и эксперимента, многообразными стилевыми тенденциями. Условной вехой можно считать рубеж 1980–1990-х годов, когда случился журнальный бум «публикаторства» [4: 301–302]. Русские писатели-современники активно занимаются поиском жанровых видоизменений и автобиографической прозы. Авторские документы, прикрепляемые или включаемые в автобиографию как доказательные аргументы, как прием, считаются традиционными. Такого рода сочинения в современный период иногда варьируются. Прикрепленные или включенные части могут быть, помимо писем и дневников, еще и эссеистикой, очерком и другими жанрами, основанными на фактах из жизни автора. «В сражении и любви» (2003) М. П. Лобанова (1925–2016) по форме делится на две отдельные части. Первая часть посвящена личной жизни автобиографического героя, ее духовному плану в частности. На духовный мир героя огромное влияние оказывают православные мысли, бла-

годаря чему он как сторонник почвенничества занимает свое место в литературе. Вторая часть содержит различные по жанровым обозначениям документы – письма, эссе и очерки – на тему личной или государственной жизни под углом зрения нравственности. Обе части объединяет проблема личности героя в ракурсе его духовной деятельности.

Видоизменения современной русской автобиографической прозы находят отражение и в синтезе автобиографии и жанров, в той или иной мере основанных на документальном начале. Органическое слияние автобиографии и другой документальной жанровой формы в одном тексте наблюдается, к примеру, в «Пятидесяти годах в раю» (2005–2007) Р. Т. Киреева (род. 1941). С одной стороны, в хронологической последовательности построена история жизни автобиографического героя после его вхождения на литературную арену. Охваченный период жизни – пятьдесят лет – разделен на пять частей, причем в рамках каждой части для каждого года жизни выделяется отдельная глава (исключением становится часть последняя). А с другой стороны, в конце каждой главы помещен «крупный план», являющий собой особый литературный портрет некоего литературного деятеля, оставившего след в творческой судьбе героя как в соответствующем году, так и в дальнейшем. Два жанровых обозначения – автобиография и литературный портрет – сочетаются в названном произведении.

Перемешивание автобиографии и других жанровых моделей, имеющих отношение к документальным текстам в целом, авторским документам в частности, прослеживается и в «Записях и выписках» (2001) М. Л. Гаспарова (1935–2005). В это сочинение входят одновременно и автобиография, ориентированная на рассказ о семье, учебе и работе, и воспоминания о своих учителях, коллегах-филологах и писателях, и заметки для дискуссий по филологическим проблемам в литературных журналах, и эссе на тему своей исследовательской и переводческой деятельности, и, наконец, выписки, сделанные автором из его дневниковых записей, переписки и записных книжек на протяжении нескольких десятков лет и расположенные в тексте по алфавитному порядку. Смесь этих жанров фактически выводит текст из традиционного автобиографического пространства, зато этот «жанровый коктейль» парадоксально как единое целое объединяют житейские и профессиональные начала автора. Реализации такой целостности в большей степени способствует профессиональная ориентация М. Л. Гаспарова как филолога. Иначе говоря, все возможные эссе, заметки и выписки в качестве своеобразной коллекции мыслей о филологической проблеме составляют основу повседневности жизни филолога в целом, не говоря уже

о том, что в них проникают элементы воспоминаний о прошлом, о пережитом и увиденном. Автобиографические сочинения названного типа, в которых описывается профессиональными филологами собственная жизнь, неотделимая от сферы литературы, относятся к разряду таких субжанров, как «филологический роман» или «новый автобиографизм».

С 1990-х годов XX века над филологической проблематикой и художественным оформлением профессии и быта филолога, литературоведа в особенности, нацеленно размышляет группа писателей, обладающих филологическим образованием. Одним из первых исследователей «филологического романа» считается В. И. Новиков. Открытие термина, по его мнению, принадлежит А. А. Генису, использовавшему такой подзаголовок для своего произведения «Довлатов и окрестности», а начало появления этого литературного явления критик относит к 10–20-м годам XX века, когда филология выступает как творчество на фоне расцвета русского модернизма [6: 195–196].

Мнение о появлении нового автобиографического письма было выдвинуто нидерландским ученым Доуве Фоккемой в конце прошлого века, когда он формулировал мысль по поводу позднего постмодернизма, а само понятие «новый автобиографизм» было введено в русское литературоведение и критику в самом начале нового столетия М. Н. Липовецким в статье о сегодняшнем состоянии постмодернистской эстетики. В координатах нового состояния постмодернизма, приводит мнение голландского ученого М. Н. Липовецкий, вновь признается внетекстовая реальность, устраниенная в ранней стадии этой эстетики. На взгляд литературоведа, новый автобиографизм характеризуется, во-первых, «преобладающей фрагментарностью», во-вторых, профессиональной ориентацией авторов/героев как литературоведов или профессионалов, связанных с занятием литературой. Личность авторского «я» в названном типе письма раскрывается скорее литературоведчески, свое может передаваться сквозь призму чужого – чужих сознаний, идей, взглядов, слов, цитат и проч. [5: 201–203]. «Конец Цитаты» (1996) М. В. Безродного (род. 1957), например, строится на выдержках из статей, писем, воспоминаний и конспектов лекций, в ходе литературоведческой работы над которыми вводятся автобиографические элементы. А в основе «Бесконечного тутика» (1988) Д. Е. Галковского (род. 1960) лежит почти тысяча примечаний к разным аспектам русской культуры – литературе, истории, философии, религии и проч., а также примечаний к личностям, фигурирующим в истории русской культуры. В процессе введения таких примечаний автор представляет свою жизнь и открывает свой внутренний мир. Жизнь филологов в обоих произве-

дениях в некотором смысле замыкается в рамках литературных текстов, а своеобразный личный опыт представляется повтором прошедшего. Следовательно, некоторые основополагающие положения постмодернистского сознания, такие как «мир как текст» и «интертекстуальность», также обнаруживаются в подобных сочинениях нового автобиографизма.

Одна из существенных разниц в содержании понятий «новый автобиографизм» и «филологический роман» заключается во внутритестовом самовоплощении автора. Главное внимание «нового автобиографизма» сосредоточено на личности авторского «я» как литературоведческого деятеля, а в «филологическом романе» герой становится филологом, исследования которого могут быть сопровождены автобиографическими сообщениями, могут обойтись без рассказа автора о себе в целом. Линия соприкосновения двух жанров появляется в случае, если текст посвящен романному повествованию или исследованию писателя-филолога о своей человеческой и профессиональной судьбе.

Помимо «нового автобиографизма», в котором свое изображается сквозь призму чужого, наблюдается и совсем иная авторская стратегия варьирования версии собственной жизни, заключающаяся в восприятии чужого в качестве своего. Из современной русской квазиавтобиографической прозы вычленяется следующий тип письма. С одной стороны, автор, не стремясь отождествить себя с главным героем, создает литературные произведения, не ориентированные на изложение собственной жизни. С другой стороны, в такого рода произведениях с опорой на «скромный, порой даже примитивный язык, малособытийный сюжет» в большей степени воссоздает правдоподобную действительность, в соответствии с тем царит «почти натурализм, почти документальность». А центральный персонаж «чаще всего намеренно приближен к автору, вплоть до идентичности имени и фамилии» [7: 36]. На этом фоне выделяется ряд молодых писателей – С. А. Шаргунов (род. 1980), Р. В. Сенчин (род. 1971), И. В. Денежкина (род. 1981) и др. Они концентрируют внимание на сегодняшней действительности и впитывают в себя опыт, признает сам же Р. В. Сенчин, «чернушников» [7: 36], пришедших на литературную авансцену благодаря горбачевской «гласности».

Писатели нового поколения поднимают темы ранее запретные. В их произведениях в глаза бросятся алкоголизм, бездельничество, бродяжничество, криминал, насилие, унижение и т. д. Художественная реальность, таким образом, предстает почти без светлых сторон и позитивных эмоций. В такой реалии главный герой представляется вялым маргиналом, отдаляющимся от активной социальной жизни. Это своеобразная псевдоавтобиографическая проза, в которой

чужие истории, мрачные в частности, воспринимаются автором как свои.

Будучи полифонической с точки зрения жанрового образования формой, автобиография коррелирует с документалистикой и художественной прозой. В процессе вбирания в себя элементов этих жанров совершается видоизменение самой

автобиографии. Поскольку жанровые границы в современном литературном процессе открыты и находятся в постоянном движении, к тому же художественные искания идут стремительным образом, то модификация автобиографической словесности, по-видимому, будет еще более многообразной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Худ. лит., 1975. 504 с.
2. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 5. Статьи и рецензии, 1841–1844. М.: АН СССР, 1954. 861 с.
3. Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. М.: INTRADA, 1999. 413 с.
4. Голубков М. М. История русской литературной критики XX века (1920–1990-е годы). М.: Издательский центр «Академия», 2008. 366 с.
5. Липовецкий М. Н. ПМС (Постмодернизм сегодня) // Знамя. 2002. № 5. С. 200–211.
6. Новиков В. И. Филологический роман // Новый мир. 1999. № 10. С. 193–205.
7. Сенчин Р. В. Рассыпанная мозаика: Статьи о современной литературе. М.: Литературная Россия, 2008. 256 с.
8. Хализев В. Е. Теория литературы. 3-е изд., испр. и доп. М.: Выш. шк., 2002. 437 с.
9. Чуприбин С. И. Русская литература сегодня: Жизнь по понятиям. М.: Время, 2007. 766 с.
10. Шайтанов И. О. Как было и как вспомнилось (Современная автобиографическая и мемуарная проза). М.: Знание, 1981. 64 с.

Wang Jiao, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation)

AUTOBIOGRAPHY AS A LITERARY GENRE: ESSENCES, VARIETIES AND MODERN MODIFICATIONS

In this article the autobiography is regarded as a literary genre, which entered the literary process in the late 18th and the early 19th centuries. Mixedness, artistry and subjectivity are described as the most important structural components of autobiography, and its three main varieties are interpreted accordingly: autobiography, which is combined with the author's documents; autofiction, which is associated with artistic genres; and autofiction. The special attention is paid to researching into the autobiographical modifications that are observed in the modern Russian literature. The mixture of autobiography with documentary genres, romantic narrative of a writer and philologist about one's own life, perceptions of the generation's dirty histories as one's own – these are the problems that are analyzed in depth.

Key words: autobiographical genre, author's documents, novel, autofiction, philological novel, new autobiography, dirty histories

REFERENCES

1. Bakhtin M. M. Questions of literature and aesthetics. Research of the recent years. Moscow, 1975. 504 p. (In Russ.)
2. Belinskiy V. G. Complete works. In 13 vol. Vol. 5. Articles and reviews, 1841–1844. Moscow, 1954. 861 p. (In Russ.)
3. Ginzburg L. Ya. On psychological prose. Moscow, 1999. 413 p. (In Russ.)
4. Golubkov M. M. History of the Russian literary criticism of the 20th century (1920–1990). Moscow, 2008. 366 p. (In Russ.)
5. Lipovetskiy M. N. PMT (Postmodernism today). *Znamya*. 2002. No 5. P. 200–211. (In Russ.)
6. Novikov V. I. Philological novel. *Novyy mir*. 1999. No 10. P. 193–205. (In Russ.)
7. Senchin R. V. The scattered mosaic: Articles about modern literature. Moscow, 2008. 256 p. (In Russ.)
8. Khalizhev V. E. Theory of literature. Moscow, 2002. 437 p. (In Russ.)
9. Chuprinin S. I. Russian literature today: Life by the concepts. Moscow, 2007. 766 p. (In Russ.)
10. Shaytanov I. O. How it was and how it was recollected (Modern autobiographical prose and memoirs). Moscow, 1981. 64 p. (In Russ.)

Поступила в редакцию 25.01.2019